

„Только сильные“ пьеса Потапенко.

Со временем Чарльза Дарвина пошел въ оборотъ терминъ „борьба за существование“.

Никогда не лишилъ о немъ напомнить міру. Только при этомъ не надо дѣлать видъ, что открывашь Америку. Правда, выйдетъ неможко похоже на дешевую рыночную работу, но, вѣдь, не всѣмъ же обставлять свои по-кои художественной мебелью по эскизамъ великихъ мастеровъ.

Итакъ идейный замыселъ,—экскурсія въ область „борьбы за существование“ и „переживанія наиболѣе приспособленныхъ.“ Жизнь, говоритъ г. Потапенко устами Аргунина—золотая колесница. Она давитъ своими колесами слабыхъ; вскочить на нее могутъ только сильные.

„Рыночность“ идейного замысла сказывается, впрочемъ, немедленно. Совершенно такъ же, какъ она сказывается во всякомъ рыночномъ продуктѣ, разсчитанномъ на не-прихотливый вкусъ людей, которые не станутъ особенно „разбираться“ въ подробностяхъ.

Покупаете диванъ съ рѣзьбой по дереву: какія-то уродливые головы,—не то лягушка, не то медуза, не то еще что-то... Такъ и у г. Потапенко: никакъ не разберешь, кто у него въ пьесѣ сильный. Нѣть такого общаго признака, который ихъ всѣхъ характеризовалъ бы и охватывалъ. Если это умышленно, съ цѣлью показать, что „сила“ проявляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и что жизнь не знаетъ „моральпой“ оценки этой силы,—то это опять таки по рыночному слишкомъ обще, слишкомъ расплывчато для того, чтобы стать основой художественного выявленія. Пусть жизнь не знаетъ никакихъ расцѣнокъ сильныхъ и способовъ ихъ вскакивать въ золотую колесницу жизни, но изъ этого не следуетъ, что даже исключительно объективный художникъ, не долженъ классифицировать эти силы и способы, освѣщать ихъ и истолковывать.

Въ сыромъ видѣ жизнь сама себя преподноситъ каждому въ любой моментъ, запутывая въ умѣ средняго человѣка всякія представленія о классификаціяхъ, категоріяхъ и проч.

Это слабая сторона идейного замысла. Она не даетъ ничего нового, яркаго, своего. Ничего не прибавляется, ничего не поясняется, —констатируетъ голый фактъ. Отсюда прямой переходъ къ художественной сторонѣ. Опять та же рыночность. Почти сплошь взятая на прокатъ трафаретная фигуры. Разумѣется, прежде всего у Максима Горькаго, потомъ у всей „плеяды сильныхъ“ и даже у Островскаго.

Стиль работы—упрощенный. Дѣйствіе не развивается, а скакетъ на гигантскихъ шагахъ.

Архитектоника—блаженныхъ временъ юнацкой девяностыхъ годовъ. Чередованье звонкихъ ионологовъ „подъ мелодраму“ съ водевилемъ. Много общихъ мѣстъ и общихъ фразъ.

Время и мѣсто дѣйствія абсолютно неопределены. Очевидно, потому, что знанія съѣрой провинціальной жизни—нѣть. Настоящей, всамомдѣлишной жизни, а не той, которая попадается въ провинціальныхъ фельетонахъ столичныхъ газетъ, „внутреннихъ обозрѣніяхъ“ и отчасти въ пьесахъ и повѣстяхъ Чехова, Горькаго, Чирикова.... Только у нихъ, разумѣется, все это ясно, выпукло и правдиво, а у Потапенко „рефератно“, вродѣ какого-то доклада.

На современность намекаетъ развѣ то, что всѣ коллизіи драмы разрѣшаются въ каѳешантанѣ. Это теперь повелось на Руси. Это знаменіе времени. Всѣ и сильные и слабые производятъ свои расчеты съ жизнью не премѣнно въ шантанѣ, послѣ двухъ-трехъ бутылокъ шампанского подъ звуки шансонетки и завыванье „русского хора“. Въ шантанахъ убиваютъ женъ, убиваютъ себя, разрѣшаютъ тяжелые вопросы. Шантанъ это—„допингъ“ для сильныхъ и слабыхъ, скажуши „шантанъ“ благодаря членѣнію Радуфектъ, а для сбора, для кассы, и еще того болѣе благодарный: домъ свиданій... Шантанъ... и въ результатахъ „аншлагъ“ очаровательнѣйшее сновидѣніе театральныхъ предпринимателей: „всѣ билеты проданы“...

Поставлена пьеса очень недурно. Хотя первый актъ, благодаря пестротѣ массы выведенныхъ лицъ, можно сдѣлать менѣе сумбурнымъ. Можно, при желаніи, дать больше колорита провинціальности. А то, въ общемъ, нѣсколько неопределеннное впечатлѣніе: не то вскользь желѣзной дороги, не то незаконное сберище. Нѣть связи между громадной компанией, нѣть живыхъ естественныхъ группировокъ. Черезчуръ все по казенному.

Вообще *mise en scéne* можно было бы обдуматъ поинтереснѣе: тогда недостатки авторскихъ попытокъ не такъ ярко вылѣзали бы на первый планъ.

Роли разошлись довольно удачно. Силковъ (г. Плотниковъ), чувствующій свою силу, самодовольная, непоколебимая, самодовѣща сила, тѣмъ болѣе страшная, что при извѣстной наблюдательности можно было подыскать для ихъ обрисовки болѣе яркие мазки.

Умница Вѣра Николаевна очень изящно набросана г-жей Кряжевой, красиво, безъ подчеркиваній и съ намеками на стиль.

Милый образъ Лизы чуточку хотѣлось бы видѣть совсѣмъ, понепосредственнѣе; чѣмъ это вышло у г. Далиной. Мнѣ кажется, что онъ долженъ „замолаживать“ зрителя. Только тогда рискованные моменты (вродѣ любовнаго объясненія во второмъ актѣ), тронутъ зрителя и не вызовутъ недоумѣнія.

Не понравился г. Петровскій (Черпулеско): всеказалось, что онъ не чувствуетъ своего мѣста на сценѣ. Потомъ чуточку потускнѣла очень и очень яркая колоритность, характеристика этого прожженнаго господина.

Л. Л.